

Глава 7. Вирусный позор

[Стас. Вторник, 15 октября]

Вторник начался нормально.

Это потом я понял, что «нормально» — это не когда всё хорошо, а когда ты ещё не знаешь, что всё плохо.

На первом уроке я сидел на своём обычном месте у окна и смотрел в окно. На физике делать нечего — формулы я не понимал до кризиса, не понимаю и сейчас. Раньше это не парило: всегда можно было списать у Дениса или купить решебник. Теперь карточки нет, решебники стоят денег, а Денис последнюю неделю как-то странно смотрит в сторону. Как будто слышал что-то. Или догадывается.

Отец до сих пор не сказал про хоккей.

Это хуже всего. Если бы сказал — запретил, разрешил, что угодно — я бы знал, с чем жить. А так — тишина. Завтрак молча, ужин молча, «спокойной ночи» через маму. Она старается быть между нами буфером, но буфер всё тоньше.

Пятьдесят тысяч. Следователь позвонил в пятницу: «Крипта анонимна, средства отследить невозможно». Отец выслушал и ничего не сказал — только кивнул. Было бы лучше, если бы орал.

Телефон лежал в кармане. Без карточки он стал просто камерой и мессенджером. Twitch не открывал — зачем, если стримить нельзя. ПроГеймер47 написал во вторник: «Стас, ты куда пропал?» Я ответил: «Всё норм, скоро вернусь». Это была ложь, но красивая.

На перемене между первым и вторым уроком я вышел в коридор.

И сразу почувствовал что-то не то.

Не понял сначала — что именно. Просто ощущение, что на меня смотрят. Не так, как обычно смотрят на меня — я привык к взглядам, меня знают, я заметный. А по-другому. Две девочки из девятого что-то зашептали, когда я прошёл мимо. Лёха Самойлов из параллельного достал телефон и отвернулся — слишком резко, неестественно.

— Эй, — окликнул я Дениса у его шкафчика. — Ты чего?

— Ничего, — сказал Денис. Не поднял взгляд.

— Что-то случилось?

— Не знаю, — сказал он. — Сам смотри.

Он, наконец, посмотрел на меня — секунду, не больше, — и пошёл на урок. Я достал телефон.

Уведомлений было двадцать три.

Видео пришло из семи разных источников одновременно.

Первым открыл от Никиты Орлова — мы вместе играем в хоккей, он не стал бы просто так. Сообщение было без текста, только ссылка. Я нажал.

Три секунды загрузки.

Потом — мой голос. Мои слова. Моё лицо.

Качество среднее, свет немного неестественный — но это был я, без вопросов. Или кто-то очень на меня похожий. Я сидел перед камерой, как на стриме, и говорил. Голос ломался:

«Братаны, мне реально нужна помощь. У меня серьёзные проблемы. Отец узнал про деньги, карточку заблокировали, на хоккей скоро денег не будет. Я не могу вам всё объяснить, но если вы реально за меня — задонатьте хотя бы сотку. Кто сколько может. Я не попрошайка, просто больше не к кому...»

Дальше «я» на видео делал паузу, вытирал глаза — натурально, с дрожанием плеч — и продолжал:

«И ещё. Я давно хотел признаться. Я трачу на донаты и лутбоксы гораздо больше, чем показываю. Я не могу остановиться. Открываю лутбоксы — и мне уже нужен следующий. Это как... не знаю. Это уже не я контролирую».

Видео обрывалось.

Я смотрел в экран, не понимая, как дышать.

Всего двадцать восемь секунд. Но за эти двадцать восемь секунд кто-то сделал из меня нищего попрошайку с игровой зависимостью. Публично. На весь Telegram-чат школы.

Две тысячи триста просмотров. За утро.

Второй урок я просидел, не слыша ни слова.

В чате «8-Б общий» уже было сорок семь сообщений. Я не открывал — видел превью: смайлики, вопросы, один мем. Никита прислал ещё одно сообщение: «Стас, это правда?» Я не ответил.

«Это правда» — что именно? Что у меня проблемы с деньгами? Правда. Что я прошу донаты? Неправда. Что я не могу остановиться с лутбоксами? Это...

Стоп.

Откуда они знали про лутбоксы?

Я никогда не говорил об этом публично. На стримах — да, открывал лутбоксы, это контент. Но что я трачу на них слишком много — это было моё. Личное. Даже отец не знал точных цифр.

Звонок. Перемена.

Я вышел в коридор и почти сразу встретил взгляды. Не злые — хуже. Любопытные. Такие взгляды бывают, когда что-то случилось с кем-то другим и это интересно, но тебя не касается.

Меня касалось.

Колька Рябов из хоккейной команды прошёл мимо, не кивнув. Мы вместе играем три года.

Я остановился у окна в конце коридора и почувствовал, как что-то сжимается в груди. Не страх — другое. Как будто земля чуть поехала под ногами и ты не знаешь, когда остановится.

«Всё под контролем» — я всегда так говорил. Себе, другим, всем.

Ничего не было под контролем.

Артём Беляев стоял у кабинета информатики с распечатками под мышкой.

Я не планировал к нему подходить. Мы не друзья — скорее наоборот. В шестом классе я называл его «ботаником в квадрате», он молчал в ответ, что

было хуже, чем если бы огрызнулся. Потом мы просто перестали пересекаться — разные компании, разные интересы.

Но сейчас он был единственным человеком в этом коридоре, который смотрел в телефон, а не на меня.

— Беляев, — сказал я.

Он поднял взгляд.

— Видел видео? — спросил я.

— Видел.

— Это не я.

Он смотрел на меня секунду. Без усмешки, без удивления.

— Я знаю, — сказал он просто.

Я не ожидал этого. Все остальные либо спрашивали «это правда?», либо молчали с таким лицом, что понятно — уже решили.

— Откуда? — спросил я.

— Покажи видео.

Я протянул телефон. Он посмотрел — быстро, не с начала, сразу перемотал на середину. Поправил очки.

— Смотри сюда, — он вернул мне телефон и ткнул пальцем в левый угол экрана. — Видишь, как моргает свет вот здесь?

— Ну... мерцает немного.

— Это не мерцание. Это артефакт склейки. Нейросеть, которая генерирует лицо, обновляет его покадрово. На стыке кадров — вот этот мерцающий пиксельный шум. На живом видео такого нет.

Я смотрел туда, куда он указал. Действительно — еле заметный дрожащий ореол вокруг моей шеи. Как будто голова чуть плавает.

— И ещё, — продолжал Артём. — Посмотри на уши.

— Что с ушами?

— Левое ухо немного другой формы, чем правое. Нейросеть иногда зеркалит фрагменты лица и не идеально совмещает. У тебя оба уха одинаковые — я видел твои фото в ВК.

Я уставился в экран. Ухо. Мерцание. Двадцать восемь секунд — и кто-то потратил время, чтобы сделать это со мной.

— Это называется deepfake, — сказал Артём. — Технология наложения лица на чужое видео с помощью нейросети. Появилась несколько лет назад, сейчас доступна любому, у кого есть нормальный компьютер и три часа времени.

— Три часа?

— Может, меньше. Зависит от качества исходного материала. — Он помолчал. — У тебя много фото и видео в открытом доступе.

Стримы. Двести тридцать зрителей каждую неделю. Сотни часов записей, где моё лицо, мой голос, мои движения — всё это лежало в открытом доступе. Бесплатный материал для тренировки нейросети.

— Я идиот, — сказал я.

— Ты не идиот, — сказал Артём без интонации, как будто констатировал факт. — Ты стример с открытым аккаунтом. Это стандартная уязвимость.

— Что теперь делать? — спросил я.

Артём убрал телефон в карман.

— Во-первых — не паниковать в публичном поле. Если ты сейчас напишешь в общий чат «это фейк», большинство не поверит, потому что так говорит каждый, кого поймали на чём-то реальном.

— А во-вторых?

— Во-вторых — нужно доказательство, а не слова. — Он помолчал. — Есть сервисы, которые анализируют видео на признаки deepfake автоматически. Я могу прогнать через два-три, получить отчёт. Это займёт час.

— Ты это сделаешь?

Артём посмотрел на меня. Я не мог прочитать его взгляд — не злой, не добрый. Просто внимательный.

— В шестом классе ты называл меня «профессором Зануда», — сказал он.

Я молчал. Деваться было некуда.

— Я помню, — сказал я.

— Хорошо. — Артём взял распечатки под мышку. — Тогда после уроков. Кабинет информатики, там есть нормальный комп. Принеси ссылку на видео.

Он пошёл в сторону класса.

— Беляев, — сказал я в спину.

Он обернулся.

— Спасибо. — Слово далось труднее, чем я ожидал.

— Не благодари, — сказал он. — Это не из-за тебя. Это тот же человек, что и с Дашей, и с другими. Мне нужен паттерн.

Он ушёл.

Я стоял в коридоре и думал, что «спасибо из-за паттерна» — это, наверное, самое честное спасибо, которое я когда-либо получал.

После уроков в кабинете информатики нас было четверо — Артём, Даша, Лиза и я. Лизу я видел пару раз, не запомнил. Рыжая, тихая, всегда со скетчбуком. Даша представила нас коротко — «Лиза, Стас, вы оба пострадавшие, познакомьтесь» — и это прозвучало странно, но точно.

Лиза сидела у окна и рисовала что-то мелкое в углу страницы. Не смотрела на нас.

— Ты как вообще? — спросила Даша у неё негромко.

— Нормально. — Лиза не подняла голову. — Майор сказал не отвечать. Я не отвечала. Он написал ещё пару раз, потом замолчал.

— Хорошо, что замолчал, — сказала Даша.

Лиза кивнула. Карандаш не останавливался.

Артём запустил три сервиса параллельно. Мы ждали молча.

— Семьдесят восемь процентов вероятность синтетического контента, — прочитал он наконец. — Второй сервис — семьдесят один. Третий — шестьдесят девять, но он хуже калиброван.

Артём встал, взял маркер и молча начал рисовать на доске.

— Это доказательство? — спросила Даша.

— Для суда — нет. Для публикации в школьном чате с объяснением — да.

Даша кивнула и начала печатать. Я смотрел через плечо:

«Видео со Стасом — deepfake. Вот технический анализ трёх сервисов. Обратите внимание на артефакты на границе лица (00:11-00:14). Тот, кто это сделал, атакует уже четвёртого человека в нашей школе. Если вам пришло что-то похожее — не пересылайте.»

— Подождите, — сказал я. — Четвёртого человека?

— Катя, Лиза, ты, — сказала Даша. — И я — в самом начале.

Я посмотрел на Лизу. Она смотрела в стол.

— Это один человек делает всё это? — спросил я.

— Один или один с помощниками, — сказал Артём. — Схема одинаковая. Сначала собирает информацию — открытые профили, посты, видео. Потом бьёт туда, где больше всего.

Туда, где больше всего.

Про лутбоксы никто не знал. Про деньги — только отец. Про то, что я не могу остановиться — только я сам, ночью, когда открываю очередной ящик и понимаю, что уже третий за вечер, и всё равно нажимаю.

— Он следил за мной, — сказал я.

— Скорее всего — да, — сказал Артём. — Или анализировал паттерны трат. Внутриигровые покупки иногда видны через сторонние сервисы.

— Значит, он знает про меня больше, чем я думаю.

— Да. И использует это.

Кабинет информатики был тихим. За окном шёл мелкий дождь.

Я думал про Кольку Рябова, который не кивнул в коридоре. Про Дениса, который отводил взгляд. Про двадцать три уведомления утром.

— Я хочу помочь разобраться, — сказал я. — С этим человеком. Кто бы он ни был.

Даша посмотрела на меня внимательно.

— Ты серьёзно?

— Он сделал из меня попрошайку на весь школьный Telegram. — Я пожал плечами. — Да, серьёзно.

— Тогда завтра, — сказала Даша. — После уроков. Здесь же. Нам нужно всё систематизировать.

Артём уже что-то писал в телефоне — быстро, не отвлекаясь. Лиза открыла скетчбук и начала рисовать что-то неразборчивое. Даша листала свои записи.

Я смотрел на них троих и думал, что месяц назад я бы не провёл с этими людьми и пяти минут добровольно.

Иногда нужен кто-то, кто разрушит твою репутацию, чтобы ты наконец познакомился с правильными людьми.

Это была странная мысль. Наверное, не очень здоровая.

Но что-то в ней было.

Вечером отец зашёл в мою комнату без стука.

Я закрыл ноутбук рефлекторно — старая привычка.

— Видел видео, — сказал он.

— Это не я, — сказал я быстро. — Это deepfake. Технология такая — накладывают чужое лицо. Артём Беляев прогнал через три сервиса, вероятность синтетического контента восемьдесят процентов.

Отец молчал. Смотрел на меня.

— Про донаты и лутбоксы там — тоже неправда? — спросил он.

Я открыл рот. Закрыл.

— Про лутбоксы... — я остановился. — Там преувеличено.

— На сколько?

Долгая пауза.

— Не знаю точно, — сказал я. — Я не считал.

Отец кивнул. Медленно, один раз.

— Хоккей в эту пятницу, — сказал он. — Я приеду.

Он вышел и закрыл дверь.

Я сидел в тишине и думал, что это был самый короткий и самый важный разговор за последние две недели. Отец не сказал «я тебе верю». Не сказал «молодец». Просто — хоккей в пятницу, я приеду.

Этого было достаточно.

Пока достаточно.
